

Анатолий Цирульников

Из тайных архивов русской школы

История образования в портретах и документах

Новая книга нашего давнего автора, академика Российской академии образования Анатолия Цирульникова «Из тайных архивов русской школы. История образования в портретах и документах» охватывает несколько столетий (от XV—XVI веков до нашего времени), основана на редких архивных материалах и посвящена интересной и противоречивой судьбе педагога и педагогики в отечественной истории. Мы предлагаем вниманию фрагмент из нее, в котором судьбы российского образования увлекательно и остроумно прослеживаются через портреты сменявшихся на протяжении веков министров ведомства просвещения¹.

Министр, который никому не нужен

За два века в ведомстве российского просвещения сменилось без малого пятьдесят министров. Переполненный школьный класс. Мужской гимназии... Сколько их было в старые времена, сколько в новые — не так важно, если считать, что это одна история. Совершенно, надо сказать, малоизученная. Кто, например, знает, какое количество министров приходится на разные царствования? Оказывается, одно и то же. Выбивается из этого ряда только Николай II, у него министров просвещения было втрое больше, чем у предшественников, но это не помогло. Много их сменилось и при Иосифе I (по другим причинам).

Обозрение галереи министров народного просвещения имеет известный интерес. Каков обобщенный портрет? В чем наблюдалось сходство и в чем различие? Чего они хотели, что делали? И что получалось? Кому это нужно? Какая от них польза? Какое это вообще имеет значение? Может быть, никакого. Но интересно...

Цирульников Анатолий Маркович — ученый и писатель, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального института развития образования РАНХиГС и страстный путешественник. Много лет его очерки в «ДН» позволяли нашим читателям странствовать по самым отдаленным уголкам России.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 2.

¹ Книга готовится к печати в Издательском доме «Дело» Президентской Академии (РАНХиГС).

Кто они и откуда?

Большинство дворяне. Из семей писателей, дипломатов, полководцев, государственных деятелей. Свою родословную знали до двенадцатого колена. По национальности русские, малороссы, немцы, выходцы из Лифляндии и Бессарабии, армяне...

Образование — соответственно эпохе. Владели четырьмя-пятью, а некоторые и большим числом языков.

Профессора, члены всяческих академий и всемирно известных ученых обществ (Геттингенское общество наук, французская Академия надписей и словесности).

Имели ученые труды. Писали поэмы, драмы...

Некоторые поправки в этот обобщенный портрет вносит позднейшая эпоха. У одного очень хорошего министра образование имелось неплохое — гимназическое. У другого еще лучше — высшие курсы красных комиссаров. У третьего (казалось бы, кто его сейчас помнит, а вот помнят, служил такой, говорят, на коллегии кричал: «Что вы тут сидите, в носу ковыряете?!») образование считалось высшим. «Образование у него высшее, — шутили в Наркомпросе времен Крупской, — но нет среднего и низшего». У последующих министров образование, как у всех, среднее...

Как правило, они были из гуманитариев. Филологи. Историки. Юристы. Но встречались и горные инженеры. Даже химики.

Прежде чем стать министрами, вращались в учебных сферах, как-то соприкасались с ними. Служили попечителями, товарищами (заместителями) министров, директорами департаментов. Двигались по служебной лестнице потихоньку, шаг за шагом, и вот в одно прекрасное утро... Впрочем, необязательно. Министром просвещения могли назначить какого-нибудь генерала или адмирала для проведения радикальной реформы школы. Попадались и из мирных ведомств...

Но все же данный тип карьеры скорее исключение, чем правило. Наблюдая за министром, задним числом можно разглядеть в его аппарате (среди товарищей, попечителей и т.д.) одного из будущих преемников. Это касается и современных министров. Их преемники где-то рядом, в ближайшем (или чуть подальше) окружении. Мой старый знакомый из этого ведомства даже допытывался: «Раз ты все знаешь, кто будет следующий?»

Конечно, знаю. Но стоит ли вмешиваться в историю?

Сменяемость министров в этой истории имеет явную закономерность (о ней позже). Труднее предсказать срок — точное число дней, месяцев, лет, которые министр находится на посту. В среднем четыре-пять лет. Но уходили и раньше. И удерживались гораздо дольше. Дольше всех министров (шестнадцать лет) пробыл на своем посту граф Уваров, современник Пушкина. На два года меньше — министр Данилов, наш современник.

Чего они хотели? Что делали?

Будем исходить из того, что все хотели хорошего. Славы (для Отечества), всеобщих успехов просвещения, возвышения человеческого духа. Одни выражали это так, другие — иначе, суть не в словах. Бывший министр, некогда широко известный в кругах учительства нелюбовью к «новомодным методам обучения», заметил про

своего преемника, вроде бы антипода: «У него свой запас лексики, у меня свой. А то, что видишь по действиям, — преемственность...»

Конечно, если судить по пьесе, в которой они участвуют, действие в ней одно и то же. Из дня в день, из века в век. Служебная карета, зеленое сукно. Дел уйма. Так, бывает, закрутятся, что все перепутают.

«Я все перепутал, — пишет министр в записке своему товарищу полтора года назад, — вообразил себе, что сегодня понедельник, а оказывается, что завтра суббота».

Чем же они так заняты? А выбивают для своего ведомства бюджет из государственного казначейства. В русской истории не найти таких времен, чтобы в этом казначействе денег было — как кур нещипаных. Вечно недоставало. Всегда делили. И успех дела определялся не столько высшими соображениями, сколько конкретными лицами — государем или министром финансов. От того, в каких личных отношениях находился с ними министр просвещения, каковы были его вес и авторитет в высших сферах, и зависело материальное состояние народного просвещения.

Один из лучших, по-моему, министров — Александр Васильевич Головнин — в своих рукописных записках «Для немногих» так описывает эту приватную ситуацию: «В то время (начало 60-х годов XIX в. — *А.Ц.*) от... личного взгляда министра финансов зависело весьма многое. Он мог, например, получать в один день просьбу трех министров об отпуске равной суммы... на три разных предмета, и от него зависело отвечать в тот же день одному, что согласен... другому — что по стесненному положению Государственного казначейства... может отпустить только половину... и третьему — что по крайне расстроенному положению государственных финансов он находит совершенно невозможным согласиться на предполагаемый расход. Головнин (говорит о себе министр просвещения. — *А.Ц.*) был всегда, конечно, в последнем разряде».

А почему? Только ли дело в том, что этот министр смотрел на жизнь иначе, чем другие, и из-за этого ему отказывали в открытии школ, в пособиях учителям? Нет, не только. Вообще, замечал он, «положение министра просвещения совсем особенное. В нем никто не нуждается. Никому он не может быть полезен и нужен». И объяснял почему.

Одни министры располагают большим числом мест и должностей; от других зависит назначение денежных ссуд, значительных пособий, аренд, земель; управление третьих так специально, что вмешиваться и критиковать их весьма трудно; четвертые сами имеют прямой обязанностью надзирать и контролировать то, что у других происходит; наконец, подчиненные их состоят из людей взрослых и опытных... Поэтому, рассуждал он, всех других министров более или менее опасаются, их щадят, с ними желают сойтись поближе, а чего опасаться министра народного просвещения, что от него можно взять? (Справедливости ради признаем, что при этом министре правительственные расходы на образование все же выросли вдвое, опередив по этой части все государства Европы.)

А сто лет спустя этот же вопрос решали так. Референт Совмина, помощник многих министров просвещения Валентина Александровна Стыцко рассказывает: «Лето 1947 года. В ведомствах готовят сметы, согласовывают с правительством. А в Наркомпросе переполох — нарком куда-то пропал. Вечером уехал домой, а утром телефон не отвечает. Может, на даче? У учителей летние каникулы. Дом отдыха, чебуречные, сидят под тентом на берегу озера Рица. И вдруг катер, и выходит на берег в белом сам... Сталин. За ним помощник Поскрёбышев, кругом охрана. Одна учительница по фамилии Померанцева не растерялась и прямо к вождю: "Иосиф

Виссарионович, а учителя получают всех меньше!" Сталин говорит Поскребышеву: "Дай бумажку". И диктует постановление: повысить учителям жалованье, дать льготы и преимущества — дрова там, керосин. И синим карандашом подписывает...»

Не может такого быть. Катер, Сам в белом, учителя... Смахивает на сказку. Но Валентина Александровна, дай бог ей здоровья, уверяет и сейчас, что сама на основе этой бумажки готовила правительственное постановление и учитель народов якобы еще вычеркнул тем же синим карандашом учителей средних школ и рабочей молодежи, потому что ему сказали: не надо, у них и так много — и оставил только начальные школы с дровами. Выходит, для этого и министр не нужен...

Другой вопрос, который решали министры просвещения минимум два столетия, — это учителя. Их в России всегда недоставало, не говоря уж о хороших, и чтобы увеличить их численность, открывали разные учебные заведения — педагогические курсы, семинарии. Количество учителей зависело от учеников, а с ними постоянно случались недоразумения. Число их не росло естественно, век от века, а вечно прыгало, изумляя другие страны и народы. Во времена Петра I количество учеников в цифирных или гарнизонных школах (куда направляли под конвоем) было значительно больше, чем век спустя, скажем, при Александре I. Постоянно оглядывались на Европу: а у них там как? Еще больше?

«Проблема возникла не на пустом месте, — объяснял мне по поводу одного инцидента, приключившегося два века спустя, чрезвычайно приятный, весьма образованный бывший министр просвещения. — Рассуждали как: восьмилетнее уже было. Возник вопрос: а что дальше, идти к среднему? Американская школа уже подходила...»

И, надо сказать, давненько — с 1621 года, когда первые отцы-пилигримы, поселившись на берегах Массачусетского залива, решили, что на каждые 50 дворов будет начальная школа, а на 100 домохозяйств — средняя. С тех пор и создавали — вольную, публичную, общественную, на началах самоуправления.

И в России в каждое царствование говорили: «Ждать некогда».

«...Правда, темпы, которые были заданы... Поспешили немного. Тем более под влиянием товарища Пономарёва произошла запись "обязательное". Вот насчет "обязательного" — мы этой... штуки не вносили, — просто сказал министр. — А ее в Конституцию вкатили».

Я и говорю, время от времени что-нибудь вкатывали. «Необходимо сделать школу явлением обязательным для русского подданного, как обязательны для него подать, общественная служба, повиновение властям...» И количество учеников разрасталось как снежный ком. И лепили учителей, как снежных баб. Но сколько их ни лепи, они тают... В тех же случаях, когда на Европу — Америку посматривали, но и сами были с усами, министр народного просвещения вполне мог решить эту задачу. Например, при графе Уварове потребность учебных заведений в учителях единственный раз в истории была удовлетворена полностью. На вакантные места даже устраивали конкурсы. Правда, за граница, издавна завидовавшая нашему отечеству, опубликовала очередную злопыхательскую статью. В ней излагалось состояние образования в разных государствах в начале XIX в. и утверждалось, что в России на тысячу человек приходится один ученик, поэтому, мол, обеспечить его учителем не так уж и трудно. Но Уваров был министр упорный. Он созвал комиссию, собрал точные данные и доказал иностранцам, что соотношение это у нас не один к тысяче, а всего лишь 1 к 45. За что всеподданнейший отчет министра за 1838 г. был удостоен собственноручной подписи Николая I: «Читал с удовольствием».

И, наконец, вопрос третий: книжки, учебники, программы, которые с течением времени, конечно, меняются, но не так часто, как нам кажется. Хорошие книжки могут служить многие годы, что доказывается, например, тем, что прежние (написанные, естественно, под руководством министров) учебники российской истории спустя столетия снова появляются на прилавке и пользуются, по отзывам современных преподавателей, немалым успехом. Особенно по истории. Оказывается, недобросовестные писатели (и некоторые министры, по заказу которых они писали) представили в неверном свете не только историю новейшую, но и значительно более отдаленную. Так что многие поколения учеников знали в общем, «кто виноват», «что делать», но не знали *как*.

Чего они не делали

Не шли в министры, если знали, что не справятся. Трудно поверить? Но и такое в истории бывало.

Март 1881 г. Взрывом бомбы у Михайловского дворца закончена светлая эпоха Александра II. Начинается новая. Какой она будет? Идет смена правительства. На место министра просвещения многие прочат барона Александра Павловича Николаи. Умерен, ровен в общении со всеми, исключительно воспитан («старый лицеист начала 40-х»), честен. Когда-то был товарищем министра, прекрасно знает дело. Лучшей кандидатуры не найти. Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев рекомендует государю. Готовятся к представлению. И в это время получают записку.

«Причины, по которым и по совести, и в полном сознании громадного долга своего, — пишет барон Николаи, — не считаю себя способным в настоящее время исполнить обязанности министра просвещения с должным успехом, следующие.

Позволю себе думать, что всякое новое царствование, особенно в такое время быстрого движения умов, которое мы переживаем, должно, при новых назначениях на высшие государственные должности, избирать деятелей в среде людей достаточно еще молодых, чтобы они могли бы быть представителями настоящего и будущего, но не давно прошедшего. Принадлежа по времени своего воспитания и начала своей общественной деятельности к первой половине царствования императора Николая I, я по своему образу мыслей, по своим взглядам и убеждениям принадлежу к эпохе давно прошедшей, к школе совершенно иной... Переделать себя на седьмом десятке жизни я не могу и поэтому в таком щекотливом деле, как народное образование, должен, по необходимости, быть в разладе с современными потребностями. Люди моего времени могут быть еще советниками... они представляют собой консервативный элемент традиций, но деятелями новыми они быть не способны...»

В историческом обзоре деятельности Министерства народного просвещения за столетие, изданном в Петербурге в 1902 г., среди списка министров есть и фамилия барона Николаи. Все-таки его уговорили, и он, кажется, исполнял обязанности министра просвещения временно, один год. Про него там одна страничка. Помню, пробежал глазами и пропустил. Одна страничка. Ничего особенного человек, вроде, не сделал. А оказывается, как важно...

Чего они еще не делали?

Министр (у которого барон Николаи был когда-то товарищем) Александр Васильевич Головин... Не читал доносов, сжигал не распечатывая.

Не соглашался с неравенством, превосходством одного человека над другим не вследствие ума и таланта, но головного убора, формы бороды или длины пейсов (и никакие высшие государственные соображения не могли заставить его делать подобные различия между людьми взрослыми, тем более детьми). Не разрушал раз созданных идеалов в семье, в обществе.

Хотя вот что говорит один из лучших министров отечественного просвещения, человек несравнимого с нашим воспитания: «Мне кажется, что воспитание нашего поколения было ошибочно и что [впоследствии...] вся служебная деятельность и вся жизнь... сделала из нас не граждан, а рабов и придворных».

И последний кадр из этой серии — сто лет спустя.

«...Нет, нет, что вы хотите, чтобы я вам рассказала про министров? Вы спросите кого-нибудь, кто поближе, а я была тут человек маленький», — удивилась в свое время моему вопросу старейший сотрудник Министерства просвещения Фрида Самойловна Фартерова, с которой мне довелось быть знакомым. «Да Бог с ними, расскажите не о министрах». — «Да? Ну если вы так хотите. Прошу извинить, но наше министерство было культурнее по своему составу... Нас учили поведением, не выкриком. Надежда Константиновна мне всегда говорила: у тебя тон, как будто ты поучаешь. Ну что ты все отрицаешь, ты скажи так, чтоб твое предложение было принято... Нас учили. И мы учили. Знаете, к нам в аппарат присылали, их называли "выдвиженцы", и среди них были толковые. Мы их учили грамоте. Одну, помню, звали Матильдой Прохоровной, на самом деле она Матрена, но она не могла, чтобы ее так называли, и получилось такое вот сочетание — Матильда Прохоровна. Она работала у нас в отделе, но так и не выучилась, и ее посадили на заграничные командировки. Она всегда говорила: "Этим делом". А многие из них выучились, выросли, стали грамотными специалистами. Пошли вверх. Ведь как было? Профессору неудобно выступать против своего коллеги, а этот выступал. А потом шел дальше учиться... Да вам это, наверное, неинтересно». — «Напротив, Фрида Самойловна, очень интересно, пожалуйста, продолжайте».

«Нет, знаете, нас учили. Надежда Константиновна мне говорила: "Фрида, не собирай это (ну, то, что теперь называется негатив), ты выясни, почему это случилось. То ли люди не понимают, то ли не хотят, то ли они не знают. Если они не понимают, ты им объясни, если не знают — расскажи. А вот если не хотят..."»

Рассказала она мне тогда одну историю. Во время войны вызвали ее с фронта по личному указанию Сталина. Она испугалась, думала — в штрафной батальон, а ее, оказывается, командируют в распоряжение Наркомпроса, заведовать отделом охраны детства. Был тогда такой отдел — охранять детей, оставшихся без родителей. В основном — репрессированных. Для них создавались специальные детские дома с соответствующими условиями. И вот что она придумала: не отдавать их туда, а находить приемных родителей, усыновлять или удочерять. Была, скажем, няня Ефросинья Жукова. Была дочь Переля, старого коммуниста, помощника Крыленко. Когда забирали отца, а мать умирала, дочь становилась Жуковой. Или Поликарповой... И все было ничего. Но однажды вернулся которого не ждали — Яков Акимович. Пришел к ней и сказал: «Милая Фрида, меня реабилитировали. Но меня не восстановили в отцовских правах».

А тогда в кодексе не имелось такой статьи: если родители желают, и дети согласны, и усыновители не возражают, то приговор суда не имеет силы и дети снова соединяются с родителями. Фрида Самойловна ничего не знала, ни о чем таком не думала, когда это делала, дружила с Екатериной Пешковой и через нее узнавала о родителях — живы или нет? Если живы...

И вот тогда, по ее словам, она подготовила эту крохотную поправку № 116 в Кодекс о семье и браке РСФСР. Обсуждали статью в Кремле, в правительстве. Все там собрались. Председатель Совнаркома Булганин поинтересовался: «Скажите, а что если бы члены правительства изъявили желание усыновить какого-нибудь ребенка?» Она ответила, поясняя процедуру: «Было бы то же самое». Он был удовлетворен: «Ну вот, теперь у нас полная информация».

Фрида Самойловна процитировала мне тогда по памяти эту статью, подлинного смысла которой — о боже! — я не знал, не понимал до тех пор. А они, те, кто интересовался, задавал вопросы, тоже не понимали?

А министр? «Он ко мне хорошо относился, он все знал, но ничего не говорил, когда мы это делали, как будто не знал. Он был человеком очень образованным, культурным. Он оставлял эти... галоши у входа. Он в галошах доходил только до входа, где теперь, знаете, у нас сидит привратник. Не разрешал в галошах проходить. И мы всегда смотрели: если галоши стоят, значит, он на месте».

Фрида Самойловна продолжала, помню, вспоминать и рассказывать что-то про того министра: как он снимал шляпу, как умел слушать. Что он как министр делал, что делали другие. И я кивал Фриде Самойловне, но, честно говоря, уже не слушал.

Нет, я не сужу их, это верно, «критиковать легко», как говорил старый министр. Но я ведь и не критикую. Я просто рассказываю — чего они не делали.

И что получалось

У кого что. По-разному. И что считать результатом деятельности министра? Читаю отчет одного из них об осмотренных учебных заведениях: «В Брестской прогимназии у преподавателя Иванова не все ученики умели 7 : 3»; «В Витебской гимназии диктант учеников VI класса переполнен ошибками (шебчет, кричат, сядте, забудте и т.п.)».

Кто же в этом виноват — министр?

Помилуйте, да от него до ученика Сидорова тыща верст. Над Сидоровым Иванов, над Ивановым Петров, над Петровым какая-нибудь Кулебяка, а над той свой начальник... И когда доберешься до министра, тогда только и поймешь, что такое народное просвещение. Все министры смотрят на него, конечно, по-разному, но с одной, в общем-то, высоты, которая есть величина неизменная до сих пор, что бы там ни говорили. «Душевно уважаемый... — пишет один своему сотруднику, — что же получилось, один инспектор стоит у нас сколько десять школ?» Изумляется. А чему, собственно? Бывало, что один и ста школ стоил. На заре народного просвещения, в 1802 г., в аппарате первого министра служили только 12 чиновников. Под ними — две академии, лицеи и университеты, училища всевозможные, библиотеки и музеи, типографии частные и казенные... И ничего, успевали. Так это когда было... Думаете, раз в истории? Заглянем в другой, 1861 год. Тут уж устройство ведомства посложнее будет. Пять департаментов. Во главе каждого стоит директор, далее — вице-директор, начальники частей, столоначальники, помощники... 101 человек. Один — это министр. Новый. Изучив департаментские дела, увеличивает оклады чинам вдвое, сократив их численность впятеро. Итого 22. Приходит другой — и уже 200... (цифры, конечно, смехотворные в сравнении с последующими, но важен принцип).

Что же получается?

Ладно, оценим результат масштабней. Эпоха управления министра Уварова Сергея Семёновича. На Пулковской горе уже вовсю стучат, звенят, устанавливают чудесное сооружение — Николаевский телескоп. «Рефрактор, изготовленный в Мюнхене, равно как и прочие инструменты, превосходит объемом, отделкой и величиной все известные в Европе астрономические орудия», — докладывает министр государю. Результат налицо. Можно хоть сейчас пощупать, поглядеть в трубу. Что видно?

Невиданный расцвет просвещения.

Вице-адмирал Крузенштерн отправился в кругосветное путешествие. Идут удивительные опыты («электромагнитические») профессора Якоби, задумавшего заменить паровую силу. Археологическая экспедиция при департаменте народного просвещения копает и копает в глубь отечественной истории (а автор плана преподавания всеобщей — какой-то Н. Гоголь). Открываются — для русского читателя — университеты Европы. Новая земля. Мысли о методе первоначального обучения. О собственном движении звезд. О русском языке...

В 1834 г. напечатана «давно уже всем известная комедия Грибоедова». В 1835 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» печатается описание парадных мундиров в точном соответствии с расписанием должностей, согласно рангам: у министра народного просвещения мундир темно-синий с бархатными обшлагами и золотым шитьем, на золоченых пуговицах — изображение государственного герба. Идут высочайшие награждения — чинами, орденами, цветными лентами, бриллиантовым фермуаром (а это, кто знает, что такое?) — и все за успехи в просвещении (читал Николай I отчет министра и все знал: кто и сколько пожертвовал, что открыл — пофамильно, по каждому училищу, городку; может, поэтому «читал с удовольствием?»).

Процветают реальные и технические науки. В 1835 г. дискутируется старинный вопрос: а могут ли крепостные служить учителями? В гимназии вводится новый предмет — российское законоведение. Училищным чинам, занимающим казенные квартиры, выдают дрова по числу печей: на голландскую — пять, а на русскую с очагом — десять сажень в год, «с тем, однако, — замечает министр, — чтобы местное начальство означенное количество по возможности уменьшало там, где зима менее сурова и продолжительна...».

Экономный. А сам-то. «Большой подлец. Об нем сказали, что он... крал дрова, казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc.» (Пушкин). Ну, кто не грешен?

Открываются: Санкт-Петербургский дом трудолюбия, Полтавский институт благородных девиц, Российское общество любителей садоводства. Под руководством министра определен (наконец-то) истинный «Взгляд на состояние нашего Сельского Хозяйства» (с большой буквы). Помещики, коли не ленивы, могут прочесть «О разведении картофеля», «Замечания об исполинском или дивном клевере» или вот — «Об учреждении лучеобразных фруктовых садов». (Что, слабу?)

Расширяются русская география и статистика. Императорская библиотека насчитывает уже 425 тыс. томов.

Трудно оторваться, но не могу не обратить внимание современных министров на замечательную культуру составления отчета. Ну, например, вот этот, который листаю. С левой стороны оставляются большие поля, а на полях — суть, результат. Положим, «ввезенных в государство и напечатанных внутри оною книг». Хочешь узнать сколько — пожалуйста, смотри справа. И ладно бы только число...

«Увеличение доли оригинальных книг в сравнении с переводом, — делает вывод Уваров, — служит доказательством самостоятельности, которую приобретают малопомалу литературные и ученые занятия в России».

Все-таки какой умница! Ну можно ли согласиться с тем, кто навесил на него разные обидные ярлыки?! Сам, небось, завидовал. «...А перевес сочинений содержания ученого и уменьшение объема книг для легкого чтения свидетельствуют об усиливающейся с каждым годом наклонности умов к основательной и ученой деятельности...»

Ну это как сказать... И куда, кстати, он Пушкина отнес: к легкому или тяжелому? Но все равно замечательно. Открыть всего за пять лет 480 разных учебных заведений!

«Тысячи новых... русских деятелей... вступили весело на углаженное поприще домашнего образования, — весело сообщает министр государю, — тридцать одна созданных, так сказать из ничего, губернских публичных библиотек держат раскрытыми для читателей всех сословий до 100 тысяч томов и предлагают обильную пищу любознательности...»

Вот как некогда министры писали отчеты! Новые-то черкнут, небось, карандашом — и кончено. А эти душу вкладывали. Воображение. И не мелочились на отдельные недостатки (кому про них знать хочется). Высказывали крупные опасения.

«Вскоре по вступлении в должность, — заключает Уваров свой отчет, — я с верноподданнической откровенностью излагал перед Вашим Величеством... опасения, коими сей путь являлся мне тогда окруженным...»

Непонятно, какие опасения? Путь просвещения блестящий, как мы видим. Да, но «как согласовать... с настоящим расположением умов» (а как они расположены?), «с мечтательными и неудачными опытами» (уж не намекает ли царю на Сенатскую площадь?). «Как учредить народное воспитание (вот странно, разве еще не учреждено?) соответственно нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа?» (Н-да... Наш порядок. И европейский дух. Попробуй-ка соедини.) «Чья рука, и сильная и опытная, может удержать стремление умов в границах...»

Ну, ясное дело, чья. А чего он так беспокоится? В государстве полный порядок. Барин, как уверяет известный историк С.Соловьёв, доволен. На больших дорогах все выметено. В учебных заведениях чисто, выложено, опрятно, воспитанники стоят по росту и дружно кричат: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» Чего же еще? Все кипит, все течет к цели высшего правильного образования, которое дошло уже до такой степени развития, что (по словам министра) «безостановочное и повсеместное движение свое совершает *собственную* (так выделено в отчете. — А.Ц.) внутреннюю силой...»

А вот тут бы я не спешил. Если собственной силой, зачем нужен министр? А рука та? Сильная. Про нее забыл? Это он явно зря. Увлёкся. И вот уж ушел — «по расстроенному здоровью». Сильная рука. Опытная. Это понятно. Совершенно непонятно другое. Такая сильная рука — и вдруг ослабла. Кнут выпал. Смотры утерли всякий блеск. Война позорно проиграна. А просвещение...

В новое царствование, после отмены крепостного права приходит новый министр просвещения. Проводит всероссийскую ревизию. Печатает в том же «Журнале Министерства...» (прямо скажем, в какой-то год ставшем неузнаваемым, как-то поблекшим: видно, и редактор новый) сотни справок, документов, отчетов учебных заведений. И что выясняется? Каков результат?

Ничтожное жалованье, крайняя сырость жилья для учителей, ветхие здания, сгнившие крыши, полное равнодушие населения, формализм начальства, сплошная

безграмотность, ученики III класса не могут начертать буквы «Х» между двумя линейками, правительство и народ не понимают друг друга, развращение нравов дошло до огромных размеров, повсюду взяточничество, чиновный грабеж, развал...

И это правда. И то вроде правда. Что же получается?

По мнению государей

Народное образование, по мнению государей, всегда было делом государственным. И все они относились к нему с большим вниманием и заботой, что нашло выражение не только в манифестах от Иоанна Васильевича до Бориса Николаевича. Трудно найти такого правителя, который бы не оставил след личным вмешательством в дело образования. Это касается и иностранных государей.

Один министр просвещения прошлого сообщает, как Вильгельм обратил внимание своего правительства на распространенную в обществе болезнь — детскую близорукость. «На что, по-вашему, способен человек, который не владеет зрением? — строго спросил своих министров германский император. — А в школах у нас 74 процента близоруких. Когда я воспитывался в Кассельском лицее, уроки проходили в большой зале, хорошо вентилированной по особому желанию моей матери; и тут из числа 20 с лишком моих товарищей 18 учеников носили очки!.. Это прямо ко мне относится, потому что я во главе отечества. Я обязан заявить, что так не должно идти далее. Господа! Нельзя людям смотреть на свет Божий через очки — надо смотреть своими глазами, и я на этом настаю, обещаю вам».

Вот как ставил вопрос германский император. Но и наши не хуже. Основатель Министерства просвещения, внук Екатерины Александр I лично занимался внедрением передового педагогического опыта. В Петербурге под председательством царя образовалось общество для заведения училищ по чужеземной ланкастерской системе — «методу взаимного обучения» россиян разных возрастов и классов. Говорят, даже молодой Аракчеев участвовал.

А Николай I? Этот, по выражению историка, «военный балетмейстер» ежегодно лично осматривал подведомственные заведения, поправлял постели воспитанников и следил, чтобы температура в спальне не поднималась выше 11 градусов.

Есть отчеты о посещениях государями учебных заведений, читать их, прямо скажем, одно наслаждение. Императоры с семейством сидели на годичных экзаменах, с интересом рассматривали ученические работы, слушали, прослезясь, певческий хор, а бывало, и показывали «собственным голосом» придворный напев (вполне можно представить, что это могли бы изобразить и наши позднейшие государи, у одного из них, говорят, был неплохой голос и членораздельная речь, правда, лишь в первую половину его правления)...

Труднее вообразить, чтобы позднейшие государи внимательно читали отчеты своих министров, как это делали более ранние. Ежегодные отчеты, доклады министров (публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения») в оригинале испещрены пометками и замечаниями государей: «Весьма доволен», «Давно пора», «И я такого же мнения».

Зная, о чем речь, можно даже в отдельных случаях представить себе, как это происходило. Например, министр выходит с замечательной инициативой: открыть некое свободное демократическое учебное заведение, уравнивать в правах, ввести новый курс и т.п. Государь пишет на докладе: «Сообщить» — и ставит три вопросительных

знака: «???» Министр соображает. Что бы это значило? Ночи не спит. Наконец представляет государю другой доклад, ничего общего с предыдущим не имеющий. Государь пишет: «Весьма доволен». Воодушевленный министр, дабы закрепить успех своего второго предложения (ничего общего с первым не имеющего), выдвигает третье, теперь уже прямо противоположное. И получает наконец высочайшее одобрение: «Давно пора»; «И я такого же мнения».

Что имелось в виду, не так важно, но замечателен сам факт. Допытывался я у бывших и нынешних наших министров просвещения, их товарищей, было ли что-либо подобное на их памяти, и все без исключения уверяют, что ничего подобного никогда не было. Да они и не попадали к государям, ограничиваясь уровнем, который бы прежде именовался начальником отделения жандармерии или цензурного управления. Правда, один министр вспомнил, что на одном из общих заседаний бывший в то время государь вдруг заявил собравшимся: «Мне Алексей сказал, он в Швеции был, у них там хлопцы семи лет за плугом ходят. А у нас... Что вы улыбаетесь? Ну что ты там улыбаешься?!» Тут незлобивый, в общем-то, государь вдруг набычился, побагровел да как рявкнет: «Уходи вон!» И ладно бы вышел один министр (поделом ему), но вышла вон, как оказалось, вся система образования.

Разумеется, без высочайшего одобрения ни один министр не мог принять важного решения. Но немаловажно, что в прежние времена такие решения формировались снизу, в самом ведомстве (естественно, с учетом возможного, принимая во внимание атмосферное давление и личное самочувствие государя). Иные министры умели внушить мысль, что авторами, творцами новой системы образования являются сами государи. Другим было несвойственно лизоблюдство, за свои деяния они отвечали сами. Но в любом случае во все времена трудно было представить себе министра, который, сидя где-нибудь в уголке имперской канцелярии, записывал бы за начальником ранга не самого высокого следующие указания:

«...Довести до сведения... Такого основополагающего документа до сих пор не было... новые, еще более гигантские задачи. Правильное понимание каждым нашей политики. Подчеркивать связь с жизнью... Не можем мириться с недостатками...» (так и подчеркнуто, как услышал, — «не можем», в личных записных книжках этого министра, которые хранятся нынче в ведомственном архиве).

Для чего он, говорят, один из самых разумнейших наших министров просвещения, записывал этот бред (который вещал замзав каким-то там отделом)? Зачем записывал — аккуратно, подробнейшим образом, как самый последний школяр, дрожащий перед экзаменом? Да затем, что сдавать придется. Придут и спросят. Уже спрашивают. И он с других спрашивает то же самое. Старинная ланкастерская система взаимного обучения по-советски.

Конечно, встречались такие министры, которые избегали подобной методы, не играли в жмурки со столоначальниками, вообще как бы не занимались тем, что называется государственной деятельностью, отчитываясь за свои дела лишь перед Богом и государем. Иногда это сходило им с рук (в те давние времена, когда министр народного просвещения имел особое право представлять дела непосредственно государю, минуя всяческие инстанции). Но чаще министр, если игнорировал принятые игры, оказывался в глазах всех белой вороной и, конечно, ломал себе шею. Нет, умение вести игры, которые у министров отнимают львиную часть времени, а порой составляют и весь смысл их деятельности, следует поневоле отнести к важнейшему качеству министра народного просвещения.

Дело в том, что само положение данного лица исключает явную двусмысленность. Некое противоречие. Если хотите, загадка. С одной стороны, министр — высший чиновник, государственный деятель, проводник политики государя и по своему положению обязан добросовестно и неукоснительно проводить эту политику. Тут все ясно. Но с другой стороны? Ведь он вроде министр образования, воспитания, просвещения и по самой природе этого духовного, тонкого, щекотливого, как выражались в прежние времена, предмета проводить ту же политику никак не может. Вообще не может проводить какую бы то ни было политику.

Потому-то это лицо загадочно. Присмотритесь к знакомому лицу министра — как оно многолико! Какие мучительные высшие вопросы морщат его чело. Какие мудреные, абсолютно непредсказуемые решения вдруг вылетают из-под пера. Вроде он тут, а его — нет. Это не просто игрок в «государстве игры и авантюры», как сказал бы историк, а художник, романтик, мыслитель. Мудрец, усевшийся в неловкой позе.

Конечно, случались в истории периоды, когда государь, государство чуть-чуть поворачивались к публике, и тогда наш министр публичного народного образования принимал нормальную позу, встречался, счастливый, глазами со своим предметом; в другие, более частые времена терял его в силу занимаемого положения из виду. В том и другом случае это происходило не по его воле. А что он мог сделать? Вы поставьте себя на его место. На доске, где разыгрывается эта партия, он пешка, дошедшая до последней клетки и задумавшаяся: зачем я сюда забрел? Все равно съедят... «И я такого же мнения», — считает государь.

В отставку

Процедура ухода министра со своего поста мало известна большинству читателей. Существой где-то в тайниках власти папка, в которой это описано, на ней, безусловно, стоял бы гриф «Совершенно секретно». Такой папки мы пока не нашли. Поэтому приходится пользоваться случайными дневниками, письмами, доверительными рассказами здравствующих министров (которые, впрочем, не любят рассказывать подобные истории), а чаще информацией их сослуживцев, секретарей — короче, наполовину слухами. По ним можно полагать, что в новейшей истории существовали два способа увольнения министров народного просвещения.

Один — по собственному желанию. Такого министра вызывали куда следует и говорили: «В общем такое дело, Иван Иванович. Засиделся ты. Сейчас, сам понимаешь, нужны новые люди. Ученые...» Хочу обратить внимание, что форма предложения может быть и иной. Но два слова — «новый» и «ученый» — в содержании обычно присутствуют. Ну, с новым ясно. А прежний, тертый был калач, что — неученый? Но этот — ученее...

Бывало, и никуда не вызывали. Не звали на обязательные заседания. Не присылали бумаг. Томили. Ходил такой министр и томился. Смотрел на особый телефон. А тот молчит. Одна милая дама, бывший помощник разных министров просвещения, рассказывала, что, глядя на муки, которые испытывал ее начальник, однажды не выдержала, сняла трубку. На том конце, выслушав излияния, глухо спросили: «Кто это говорит?» «Дурочка ты, дурочка, — сказал ей позже растроганный министр, обнимая ее (он вообще любил обниматься), — куда ты звонила? Кого просила?»

Драма, конечно... Но все-таки не трагедия. А были, как знаем, времена, когда министр просвещения уходил с поста только в небытие (как А.Бубнов или А.Вознесенский, брат известного экономиста).

Прежние министры уходили не так. Совершенно иной была сама процедура ухода. Примечателен следующий факт. Как и другие высшие чиновники, министры народного просвещения делали представления, отчеты, которые, как правило, удостоивались высочайшего одобрения. Прошу обратить внимание: своего неодобрения, прямого порицания деятельности министра государь не делал. Максимум как он выражал свое отношение — это не удостоивал одобрения. И если министр убеждался раз, другой (только и всего, а так, пожалуйста, работай, никто его от дел не отстранял, не гнал), что это не случайно, что целый ряд его инициатив, представлений, отчетов не удостоивается высочайшего одобрения, для него это был явный знак. И, не дожидаясь вызовов и объяснений (в такой ситуации никогда и не объяснялись, это считалось неприличным), министр подавал прошение об отставке. Каково? Не стоит ли перенять?

Но вот когда министр сам решал подать в отставку, между ним и государем происходил разговор. И известно какой. Вот пример.

Князь А.Н.Голицын, товарищ детства и близкий друг Александра I, не справился со служебными обязанностями и, соединив два ведомства — духовных дел и народного просвещения, — развалил оба. Уяснив исходящий от государя знак (проявлять его по отношению к близкому товарищу было тем более трудно, но что поделывать — служба), министр является к государю с прошением об отставке. Между ними происходит следующий подлинный диалог.

МИНИСТР: Я чувствую, на это пришла пора.

ГОСУДАРЬ: И я, любезный князь, не раз уже хотел объяснить с вами откровенно. В самом деле, вверенное вам министерство как-то не удалось вам. Я думаю уволить вас от звания министра, упразднить сложное ведомство, но принять вашу отставку никогда не соглашусь...

(В этом месте мне мерещится пауза, возможно, министр, забыв о процедуре, делает какое-то лишнее движение, хочет что-то сказать, но государь его останавливает.)

ГОСУДАРЬ: Вы остаетесь при мне, вернейший друг всего моего семейства, и, кроме того, я прошу вас оставить за собою звание члена Государственного совета и Главное управление почтовым департаментом. Таким образом, дела пойдут по-старому и я не лишусь вашей близости, ваших советов.

Далеко не все министры просвещения удостоивались столь ласковых слов, но все — учтвого приема и благодарности за сотрудничество. Многие, покидая пост в трудоспособном возрасте, вовсе не устранились от дел, а назначались членами Государственного совета (весьма по тем временам почетная должность), усердно трудились на иных местах, получали титулы и награды. И как бы, скажем, Николай I ни охладел и ни был раздражен в последние годы царствования своим министром Уваровым, когда тот ушел, он издал высочайший рескрипт, в котором признавал большие заслуги министра перед Отечеством.

А теперь самое интересное. Раскроем главный секрет: а что вызывало неудовольствие государя, из-за чего министры уходили в отставку, на чем, так сказать, ломались? Тут у министров народного просвещения есть явно своя специфика.

Конечно, были причины и общего характера, и частного, на которых мог срезаться любой министр. Допустим, смена правительства, неудавшаяся реформа (казалось бы, при чем тут министр просвещения? Он сидел тихо, ни о каких реформах не помышлял) или, скажем, скандал, проворовался (нет, у нас такого не бывает). Вот очень распространенный случай: не то сказал. И не дай бог — публично. Это было одним из поводов отставки опытного Уварова, съевшего, можно сказать, собаку на

цензуре (вспомним, как бранил его Пушкин) и на старости лет допустившего осечку — публикацию неблагонамеренного сочинения.

Похожую ошибку спустя сто с лишним лет сделал товарищ министра просвещения некий Ягодкин — имя вряд ли известное нынешнему поколению, разве из газетного интервью с великим философом Мерабом Мамардашвили:

— Когда тебя выгнали из журнала?

— В 1974 году. Этим занимался тогда Ягодкин — секретарь Московского комитета партии по идеологии. Он разгромил многое в те годы. Не только журнал.

А между тем спустя несколько лет, будучи заместителем министра просвещения СССР, бывший секретарь-идеолог сам допустил непростительную ошибку, опубликовав в журнале «Советская педагогика» наделавшую шума статью о противоречиях в народном образовании. Не помню уж, о каких именно противоречиях шла речь, но весьма почтенному, благонадежному редактору этого журнала в голову не могло прийти, что статья идеолога-замминистра (говорили, вот-вот министра) вызовет такой переполох в высших сферах и приведет к немедленному увольнению многоуважаемого автора (про редактора не помню). Как могло такое случиться — решительно не понимаю. Существуют, видно, какие-то противоречия в народном образовании.

Одно из них, сдается нам, вело к регулярной смене министров, и хотя сегодня оно вроде пока не действует, но кто знает, — никогда нельзя быть уверенным заранее.

Суть в том, что половина министров просвещения были уволены вследствие общественных беспорядков. Последние, как известно, являются неотъемлемой частью российских порядков и происходят при любой погоде и любом направлении ветра. Волнения, митинги, постреливание, бомбометание, крушения поездов есть для нас явление естественное, природное, оригинальное, достойное рассмотрения в кунсткамере, но никак не могущее служить поводом для государственных умозаключений. Между тем все государственные комиссии, исследовавшие оные явления, делали одну и ту же ошибку — искали причину. И конечно, находили. Гимназистов, недоучившихся семинаристов, вечных студентов — тех, кого в старые времена именовали «учащаяся молодежь». Она первой попадалась на глаза и не только не отпиралась от участия в совершаемых дерзких поступках, но и открыто объявляла себя последователем известных учений, знание о которых черпала отовсюду — из запрещенных или разрешенных книг, лекций, прокламаций, воскресных школ etc.

Вывод напрашивался сам собой и состоял в том, что причиной брожения умов и шаткости нравственных устоев молодого поколения является ложное направление учебной системы, за которую, как всем известно, отвечает Министерство просвещения. Вот почему всякий раз при сотрясении, скажем, государственного казначейства или остановке железнодорожного транспорта увольняли... кого бы вы думали? Министра финансов? Путей сообщения? Нет — министра народного просвещения.

Вера в просвещение, убеждение, что оно корень всех обрушивающихся на Россию бед и источник неиссякаемых благ, составляли замечательную черту прежнего русского сознания. (Заметим, что черта эта сегодня у нас отсутствует, и в этом есть, конечно, свои плюсы. Но и явные минусы.) И убеждение это (только убеждение, дальше этого не шло) было столь закоренелым, что его разделяли не какие-нибудь там губернские последователи французских просветителей XVIII в., «народники» и т.п., но серьезные люди, солидные государственные деятели, премьеры и государи.

Таким образом, выпадавшие регулярно, можно сказать, по воле Божьей беспорядки играли роль счастливого случая, благодаря которому некое лицо поднималось на

высокий пост министра народного просвещения, равно как и несчастного случая, срезавшего многих министров в самую цветущую пору их плодотворной деятельности.

Нет, как вам это нравится? На что это похоже?

В затылок друг другу

А теперь сделаем вот что: выстроим-ка наших министров в исторический ряд, в затылок друг другу и посмотрим: лучше ли каждый следующий предыдущего? Что-то не похоже (все замечательные). Может, хуже? Ну, это если рассматривать на отрезке. А шире, в исторической перспективе? И куда они все идут? Или стоят?

Время от времени среди министров появляются лица энергичные, пробующие изменить существующий порядок вещей. Их можно было бы назвать реформаторами, если бы это отвечало сути дела. Ведь реформа или, по-русски говоря, перестройка образования является во многих государствах делом повседневным, обычным, нисколько не нарушающим заведенный порядок, в то время как в России это всегда явление исключительное и происходит на фоне войн, революций, переворотов и, что еще интереснее, накануне их. Да вон по нашим министрам видно.

В разгар Первой мировой войны на фронте народного просвещения происходят кадровые перемены. Уходит в мир иной 23-й министр, державший народное просвещение в ежовых рукавицах (выражение употреблялось до наркома Н.Ежова, еще в XIX в.), и на смену ему приходит 24-й — культурный, либеральный граф Павел Николаевич Игнатьев. Общество приветствует. Всем давно надоел зажим, в техническом отношении Россия явно отстает от союзников и противников, система образования устарела, не соответствует нуждам молодого капитализма. И вообще... Короче, общество приветствует. Начинается уникальная реформа — от университета до народного детского сада. Получают свободу научные общества. Воодушевляются земства, общественность, частная инициатива. Все начинают что-то понимать... Но тут происходит брожение на фронтах, революция — и конец.

В Гражданскую войну в белых правительствах, так же как в красном, занимаются образованием. Формируется несколько министерств (у Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля). Новоиспеченные министры просвещения получают высокий статус. Все говорят, что без подъема народного образования Россия обречена, все на что-то надеются. Наконец засучивают рукава и приступают к школьной реформе на Крымском полуострове (дня за три до падения Перекопа).

То же самое — в 1905 г., при участии министра Ивана Ивановича Толстого (не путать с другим министром, Дмитрием Андреевичем). То же самое — в 1861 г.

В то время, после крепостного права, попытки отмены которого делались в течение столетия (хотел было и Николай I, однако, как сказал сам, «не нашел прямого сочувствия в семействе»), с введением суда присяжных, гласности, свободы прессы и пр., в ведомство просвещения был призван министром Головнин (о нем мы уже упоминали). Александр Васильевич был человеком совершенно исключительным, надо бы написать о нем отдельный очерк, жаль, тут не место. («А были среди них светлые? — спросила одна учительница, которой мы рассказали о своей задумке. — Нет, не образованные — понятно, что были. А светлые?» Головнин из этого ряда.)

На посту министра просвещения он довел до конца несколько дел. Провел в жизнь новый университетский устав, раскрепостивший научный дух и определивший расцвет науки на несколько десятилетий, снял цензуру, развил широкую гласность,

возбудил умственную жизнь. Учредил даже метеорологические станции для уведомления портов о приближении бурь.

А там не слышат, там свои дела. Стонет ветер, гнутся мачты. На большом государственном пароходе политическая шестеренка сцепилась с национальной, хозяйственной. Машина рычит, дым из трубы. Обычное дело — стреляют в Александра II. («Русские цари не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц», — как выразился историк.) Промахиваются. Но терпению государя приходит конец, и начатые реформы останавливаются на полпути. Наступает бескрайняя реакция. На место министра просвещения Головнина приходит граф Д.А.Толстой.

Вот тоже интересная личность и тип министра, дышащий всегда в затылок либеральному (в историческом ряду, в смысле отстояния от нас, он-то впереди). В учебниках данный тип зовется строго — «реакционер и мракобес». Насчет последнего мы еще поглядим, а вот реакционер — пожалуй...

«Поверьте, многоуважаемый Иван Давидович, что ничего другого не остается...» — пишет на четвертушке голубенького листа министр просвещения Толстой записку своему товарищу (тоже будущему министру). И со своей стороны он совершенно прав. Впереди-то что (вы смотрите, смотрите на ряд) — культура? свобода? прогресс? цивилизация? Или «умственная и нравственная анархия»? «Та же идея абсолютной власти, которая в руках толпы может только принять более опасный характер?» (выдержки из «Журнала Министерства народного просвещения»).

Так что назад. Снова старый устав. Училищное начальство. Строгие экзамены. Единство требований. И надолго (все либералы, демократы ходят в министрах два, от силы три года, те, кто за ними, — многие десятилетия). К тому же лично у меня большое сомнение относительно Толстых как мракобесов. В сравнении с кем? То самое, чего добивались их дальние потомки, непонятно для чего то сливая, то разливая ведомство просвещения, они понимали гораздо глубже.

«Единство управления, — говаривал Дмитрий Андреевич своим сотрудникам, — не составляет еще единства направления». Нам ли упрекать его в казенщине, бюрократии? В своем ведомстве он допускал и разнообразие, и известную децентрализацию, которая, по его мнению, вполне может сочетаться с парламентским или монархическим устройством, демократией или деспотией (что и сейчас видно). Ему никогда не приходило в голову учить всех, для чего вначале наплодить по всей Руси маленьких дурных школок, а потом повсеместно позакрывать их, превратив в большие, тоже дурные. «Гораздо выгоднее, — замечал он, — устраивать меньшее число училищ, но хороших...»

Отдадим должное старым министрам-«реакционерам». Может, они и отсталые, но не полоумные. Они не заменяли грамотных учителей на безграмотных, не вымарывали учебники, не крушили памятники, церкви, дворцы. Вроде даже строили.

Возможно, с нашей, современной точки зрения, они и нелепые, эти сооружения — бесконечные мосты, каналы, крылатые кони, дома с львиными мордами, но что-то ведь хотели всем этим выразить? Что-то выражали. Странная толстовская мысль — сделать классическую гимназию главным типом школы, ведущим прямо в верхние этажи власти, к культурному управлению. С двумя мертвыми языками. Зачем ему эти мертвые понадобились? Позднейшим поколениям они оказались ни к чему, те вполне обходились без классической культуры и римского права. Но дело не только в этом. Мысль Толстого идет дальше. Вот что он говорит: «Изучение мертвого языка трудно, поэтому крайне необходимо». Странная мысль. Трудность, труд, трудолюбие, что ли? Нет, не просто труд, а такая усердная последовательность, какой не дает никакой

другой предмет, в особенности новейшие языки. Перевод с них доступен любому верхогляду, который, не утруждая себя переводить весь текст, догадывается по отдельным фразам об общем смысле.

Все новейшие языки в сущности сходны друг с другом. А при легковесности, лени, которые свойственны русскому человеку, при стремлении к слепому подражательству нужен такой язык, который бы не имел ничего общего с шаткой действительностью, вел к устоям, стабильности и вырабатывал у учащегося привычку к основательности и незаемному мышлению.

Действительно, те, кто учил когда-нибудь мертвые языки (признаться, я — нет), могут подтвердить, что даже точнейший перевод каждого слова не гарантирует понимание смысла: надо еще напрячься и, уяснив связь, перевести фразу.

Вот подлинная, по-моему, мысль министра Толстого, обращенная к русскому образованному обществу, если очистить ее (мысль) от политической шелухи: коли уж мы, господа, не способны понять язык живой, на котором обычно говорят люди, может, попробуем... через мертвый?

Поняли его немногие. Очень многие возмутились. К тому же эту свою идею (по-моему, весьма здравую, как вам кажется?) он не освободил от политической шелухи. Опять связал с беспорядками (да что они тут все время под ногами путаются?). Напирать стал. Преследовать инакомыслящих. Назначал в директора гимназий только преподавателей «мертвых» (ну, это нам дело знакомое, вроде как учителей-историков, членов КПСС). Никого не слушал. Шел против течения. Сеял панику. Столбовые дворяне бежали в город отдавать детей в классическую гимназию. Пустели заброшенные поместья (вот что может натворить система образования, прямо как стихийное бедствие).

Все-таки мне кажется, что он отработывал на ведомстве просвещения модель Министерства внутренних дел (министром которого стал впоследствии). А вот и опять пошло бомбометание, и удачное (смахнули государя), опять смена правительства и министров. И за Толстыми рано или поздно снова приходят Головнины. Но хорошо, если Головнины. Ведь «неподвижность форм ведет к революциям, которые ни к чему не ведут, как к той же форме, от которой общество так тщательно уходило». Угадали? Да, все тот же, тот же «Журнал Министерства народного просвещения», 1867 год. И чего в нем только нет!

Но вот насчет «к той же форме»... Нет, все-таки министры были страшные идеалисты. Хотя, если посмотреть внимательнее, в нашей исторической ретроспективе что получается: мы их ровненько выстроили в затылок, а они норовят объединиться в круг? За либералом Головниным — реакционер Толстой, за Толстым — снова либерал: Николаи, за Николаи — опять реакционер: № 15 Делянов, за ним — демократ: № 16 Боголепов — в него стреляют, и насмерть, опять — круг?! Эй, бросьте это. А тут кто у нас, прямо перед глазами?.. А может, и не круг. Нелепая какая-то фигура. Похожая на коня. После Уварова князь Ширинский-Шахматов. Князь Меншиков обнадеживает: «Теперь Министерству просвещения будет шах и мат».

Да Бог с ним, с министерством, с нами что будет? Не нравится мне эта фигура категорически, доска не нравится. Не доска она вовсе, а бревно. Толстое. Как там у Ключевского: «В Европе царей Россия могла иметь силу, в Европе народов она — толстое бревно...»

И что с ним делать?

В светлом будущем

Завершая эту часть книжки, под занавес остается задать несколько вопросов министру народного просвещения светлого будущего. Извините, отсюда плохо видно, никак номер ваш порядковый не могу разглядеть. Что, говорите, вы вообще не в этом ряду? Не так построил? Ну, вам виднее... Я вот о чем хотел вас спросить. Основной вопрос все тот же, старый, мы тут никак не можем в нем разобраться. Нет, все понимают, что образование для чего-то нужно и даже что как-то связано с разными сферами бытия. Но вот не уразумеем, как именно? Не подскажете ли, как нам зацепить эти шестеренки, которые все время — вот беда — норовят крутиться в разные стороны: вроде бы экономика пошла по часовой стрелке, так политика — против; закрутилась наконец политика — экономика останавливается. А образование-то вообще из другой машины. Как бы его привернуть. Посмотреть, как у них там?

Нет, мы вовсе не считаем, что у нас есть народное образование. Молодцы в сороковом министерстве — правильно «народное» с вывески сняли. Помилуйте, какое народное... Да у нас сроду министерство народным образованием не занималось. Наши государи, правительства, министерства когда-то занимались, и неплохо, лицеем, кадетским корпусом — элитой, но опыт сей, как вы знаете, утрачен. А народным просвещением, образованием — разве что земство, отдельные промышленники-меценаты, общественность культурная. Да где они? Так что государственного опыта народного образования, положительного, разумеется (о прочем и поминать не стоит), у нас вроде и нет. Вот вывод. Как вам? Думаете, несущественно?..

Один ваш коллега, бывший министр просвещения, сказал мне: «Не стоит преувеличивать роль министерства, сегодня оно одно, завтра другое, а дети учатся, жизнь идет своим чередом». Правильно... И за глухой зимой, что казалась летом, приходит оттепель, за ней вдруг анабиоз, за ним весна, похожая на осень... Так и будет. Так запрограммировано в этом огромном министерстве — машине с многовековой историей. Ее надо изучать, рассказывать о ней (и это задача народного просвещения), но не нужно ею пользоваться. Она разлажена изначально. У нее такая конструкция — античеловеческая. Так, может быть, все, точка? Эта история закончена? Министра NN не будет? Я совершенно с вами согласен — что ему там делать? Однако... послушайте, из светлого будущего, а вы-то что там делаете? И вы не из светлого?..

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СЦЕНА. Министры просвещения размыкают круг, поворачиваются лицом к зрителю, и некоторые из них складывают композицию, напоминающую хорошо знакомую фигуру из пальцев. Ах вот вы как... Все замирают на своих местах, как у Гоголя. Занавес падает, но аплодисментов не слышно: нет ни души, пустые кресла...

* * *

Со времени написания данного группового портрета сменилось еще какое-то количество министров. Иным из новых глав ведомства мы почтительно дарили министерскую историю, и они удивлялись, оказывается, многое им было неизвестно, и уточняли важные подробности: кто шел за кем, сколько продержался на посту и т.д. Но удивительно, ни один почему-то не расспросил нас о деле, которым занимались предшественники. При том что каждый новый министр намеревался проводить новую реформу, опыт старой и ее уроки его как будто не интересовали.

Между тем именно в этих уроках наша увлекательная история обретает смысл. Зачем вообще нужны школьные реформы? Почему после вроде бы столь успешных преобразований одних начинают все сызнова другие?

Возьмем «военного балетмейстера» Николая I. На самом деле у Николая Павловича имелась своя философия. Он был обуян страстью к симметрии, порядку, иерархической стройности. Идеальным образцом всякой стройной системы является армия, по типу которой следует построить и целое государство. Этой идее надо подчинить администрацию, суд, науку, учебное дело, церковь... При всей странности такого взгляда для европейца (впрочем, не всякого — государственная машина Николая I напоминала прусскую), он имел известные основания в русской жизни. В противном случае модель общественного устройства не воспроизводилась бы столько раз в нашей истории, не только далекой, но и недавней. Замечательный вопрос, поставленный в XVI в. писателем и дипломатом Сигизмундом Герберштейном, — что является определяющим в России: деспотией ли власти формируется менталитет народа или менталитетом народа — деспотия? — остается открытым. В любом случае подобное государственное устройство не могло держаться лишь на железной дисциплине. Оно требовало еще определенного сознания государственных подданных, определенного типа образования и воспитания.

Свое первое обращение к министру народного просвещения в 1826 г. царь начал словами: «Обозревая с особенным вниманием устройство учебных заведений, в коих российское юношество образуется на службу государству, я с сожалением вижу, что не существует в них должного и необходимого однообразия, на коем должно быть основано как воспитание, так и учение».

И это удушающее, по словам современников, однообразие было установлено.

Читатель может подумать, что то был пропащий для России период. Ничего подобного. Такому расцвету культуры и искусства, который мы находим в Николаевскую эпоху, пожалуй, трудно найти исторический аналог. Крылов, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь... — можно назвать десяток имен классиков высшей, «золотой» пробы. А ведь была еще «серебряная» — десятки и десятки имен, которые составляли среду культуры, ее духовную почву. Откуда же в Николаевскую эпоху появились знаменитые имена? Существует точка зрения, что культура в России не связана с общественным прогрессом, что в периоды социального застоя, зажима духовная культура оказывается единственной отдушиной человека и общества и именно в это время переживает наибольший расцвет. Времена же свободы, согласно этому взгляду, для культуры неплодотворны. Действительно, какие новые имена родила «перестройка и гласность»? Есть, однако, большие сомнения в этой точке зрения. Если приглядеться внимательнее, почти все деятели эпохи Николая I родились, воспитывались, получали образование, созревали в условиях относительной свободы предшествующей эпохи. Пушкин вышел из Александровского лицея, а не из николаевской школы. Плеяда молодых блестящих русских профессоров — Пирогов, Неволин, Иноземцев, Грановский — вернулась из командировки за границу, где училась (по специальному разрешению императора) в лучших европейских университетах. Какое имя ни возьми — оно плод свободы, а не выкидыш тирании. Что ж, культура может сохраниться, выжить и при тирании. Но чтобы родиться, расти, расцветать, ей нужен хотя бы глоток свободы.

Но бывает и так — вот этот глоток, вот свобода, а что с нею делать, непонятно. Умов не видно, которые бы воспользовались. Хотя есть примеры...